

СБОРНИК РАССКАЗОВ №7

женские
Морские
ДОСУГИ

7

Сборник

Николай Александрович Каланов

Морские досуги №7 (Женские)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53607741
«Морские досуги (Женские)» №7:*

Аннотация

«Перед Вами, уважаемый читатель, первый в истории отечественной литературы сборник рассказов женщин-маринистов. Впервые под одной обложкой объединились женщины, которые знают о море и морской службе не понаслышке. Именно поэтому интересно и увлекательно читать их рассказы о море и женских судьбах...»

Содержание

Нина Юдина	7
Море – женского рода	7
Марина Пшеничко (Триго)	12
Самая древняя профессия	12
Стреножилась...	21
О том, как я ушла в первое плавание...	25
Какая сука по палубе босиком ходит?	28
Про трудности и лишения воинской службы	33
ЧАСТЬ 1. МО-ЛО-КО-КИ-ПИТ...	33
ЧАСТЬ 2. ПЕДАС...	35
Жизнь на флоте есть!	38
Стихи	42
Мой причал	42
Морской странник	43
В бурном яростном море...	45
О Камчатке которой были отданы мои юные годы...	46
Елена Стригунова	48
Собачья вахта	48
Ученик	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

«Морские досуги (Женские)» № 7

Хорошо известно, что в мире есть две вещи на которые можно смотреть бесконечно – это бушующее море и танцующая женщина. Но что будет если их объединить?

Перед Вами, уважаемый читатель, первый в истории отечественной литературы сборник рассказов женщин-маринистов. Впервые под одной обложкой объединились женщины, которые знают о море и морской службе не понаслышке. Именно поэтому интересно и увлекательно читать их рассказы о море и женских судьбах.

Мы привыкли читать книги мужчин-маринистов. Как правило, просоленные ветрами старые морские волки пишут емко, информативно, но без особых эмоций пишут по-мужски!

Но женщины пишут совсем иначе! И женская поэзия, и женская проза разительным образом отличается от мужской. В женской литературе все пронизано романтизмом и сентиментализмом, острым вниманием к ничему не значащим для мужчин деталям, восторгом окружающего мира и нюансам человеческих отношений. Женский мир – восторжен и хрупок, в нем всегда присутствует лиризм и драматизм, гармония и вера в лучшее. Когда же все это является фоном вполне реальных морских сюжетов, пережитых и осмысленных

самими авторами, то перед нами является современная морская «Песнь песней о море», ибо лучше и проникновеннее написать о непостоянной и непокорной морской стихии может только настоящая женщина, которая, как ни кто другой, понимает саму суть этой стихии.

Не пожалейте времени! Прочтите единственное в своем роде женское откровение о море! Погрузитесь в завлекающий и новый для Вас мир образности и эмоциональности, мир женского восприятия моря.

Уверен, что Вы никогда не пожалеете о потраченном времени, ибо откроете для себя много нового, интересного и необычного.

С уважением, секретарь Союза писателей России Владимир Шигин

Нина Юдина

Море – женского рода

*Женщина, как море, небо молит,
Если штиль, послать хоть что-нибудь.
Ев. Евтушенко.*

Жанна Николаевна любила свою работу, церковь и море. Учительницей она стала по призванию, религиозной – после пятнадцатилетнего романа с женатым, а море полюбила с самого детства, когда пятилетней девчонкой задохнулась от восторга, увидев это бескрайнее чудо. С той поры к морю приходила часто и всегда оказывалась с ним в одном настроении. Когда так некрасиво закончился её грешный роман, она тоже пришла к морю. Оно штормило. Огромные волны набрасывались на берег до самых дюн. Солёные брызги перемешивались со слезами, и трудно было разобрать, где слёзы, а где капли волн на её лице.

Вот и сегодня Жанна пришла к своему морю. Накрапывал мелкий дождь, небо было серым, свинцового цвета волны еле-еле плескались у её ног. Унылое море, унылое настроение. Жанна подумала, что скоро начнётся учебный год, и она будет вдалбливать в головы учеников свою любимую

историю, которая им не очень-то и нужна. Может, прав этот оболтус Громов, заявивший ей на уроке, что ему ни к чему знать, кого побил Пипин Короткий и куда ходил Эрик Рыжий, и что он хочет жить здесь и сейчас? А что у неё здесь и сейчас? Пятьдесят лет, школа, церковь и море, такое же холодное, как никем не согретая её жизнь. Ей подумалось, что море сейчас похоже на неё – на женщину, которая грешила в молодости, а, старея, стала яркой поборницей морали, порицая жажду жизни с её ошибками. Что-то взбунтовалось в душе у Жанны. Ей захотелось другого моря, теплого под знойными лучами солнца, весёлого, игривого, волнами смывающего неприютность с её души.

Через две недели Жанна летела на Крит. Посадка, тридцать минут в автобусе, и она уже в отеле в своем номере. Жанна вышла на лоджию. В нескольких метрах от отеля под палящим солнцем бушевало лазоревое море. Переделалась и скорее на пляж. Жанне показалось странным, что никто в море не купается, а все загорают на лежаках. Ветер был сильным и огромные волны налетали на берег. Но это было под стать её бунтарскому настроению. Жанна смело шагнула в море и её тут же сбила с ног налетевшая волна. Сделала ещё несколько безуспешных попыток. Жанну осенило: если усесться на бережок, волна сама потянет её в море. Как здорово будет кататься на волне! Жанна плюхнулась на попу у самой кромки воды, её накрыла волна и потащила всё дальше и дальше от берега. В голове мелькнуло что-то подзабы-

тое про тело впёрнутое в воду, удельный вес и что идея покататься на волне была дурацкой. Только Жанна немного отплывала к берегу, как следующая волна опять накрывала её с головой и тащила обратно. Валтузило её так довольно долго. Всё же ей удалось почувствовать дно под ногами и бочком-бочком, как краб, продвигаться к берегу. Но выбраться на довольно крутой берег не получалось. Как только она пыталась шагнуть наверх, её сбивала с ног волна. Кончилось тем, что выползла из моря на четвереньках. Отдышалась, поднялась на ноги, увидела красный флажок над пляжем, и что все отдыхающие смотрят исключительно на неё. «Конечно, подурачки получилось, – мысленно улыбнулась Жанна —, но поступили мы с тобой, море, как настоящие женщины. Внимание к себе привлекли.»

На следующее утро Жанна проснулась рано. На пляже ещё никого. Безветренно. Море ласковое и спокойное, как дама на другой день после устроенного скуки ради скандальчика. Жанна поплавала в теплом прозрачном море. Блаженство, счастье, красота! После завтрака поехала на экскурсию в монастырь св. Георгия. В сам монастырь не пускали. Побродила по подворью, полюбовалась видом ущелья Селинариу и парящими над ним орлами. В церковной лавке бойко шла торговля. Жанна обратила внимание на наштампованные из фольги разные части тела человека. Ей объяснили, что можно купить нужное и привесить на исцеляющую икону св. Георгия в часовне. Она купила ухо. Хотела купить ещё и ногу,

но их уже разобрали.

А вечером в море познакомилась с мужчиной. Мужчина выделялся тем, что в море не плавал. Он, зайдя по грудь, в нём ходил параллельно берегу. Останавливал кого-нибудь, плывущего навстречу, и вступал в разговор. Попавшегося мог продержатъ долго. Как только слушатель умудрялся вырваться, брёл искать следующего. Следующей на этот раз оказалась Жанна. Проговорили, стоя в море, почти час. Вернее, говорил он. Жанна пыталась сначала вклиниться в беседу, но поняла, что это бесполезно, и потом только кивала. За этот час она узнала, что зовут мужчину Коля, он из Калининграда, вдовец, работает слесарем, любит готовить, перец не надо класть в котлеты, украинцы все поголовно тупые, у него есть работающий сын, а невестка дрянь каких мало, молодёжь никуда не годится, и что у учёных есть предположение, что морские ежи бессмертны. Под конец разговора спросил, откуда Жанна, и предложил дружить, раз они оба из Прибалтики.

Дружить они начали в тот же вечер на дискотеке, продолжили у Коли в номере. Не то чтобы Коля впечатлил Жанну как любовник, но так радостно было от того, что она желанна. Следующие дни были счастливыми. Днём Жанну ласкало тёплое море, а ночью жаркие руки Коли. Правда, через несколько дней счастья, стало немного огорчать то, что Коля говорил всё время о себе.

Он уезжал раньше. Последняя ночь.

– Знаешь, Коленька, в латышском языке море (jūra) женского рода. Мне всегда это казалось странным. А вот теперь я поняла, что море, оно ведь совсем как женщина. Оно и ласковое, и манящее, и коварное, и безмятежное, и страстное. Я чувствую, что мы с ним... – Жанну остановил Колин храп. Она полежала рядом притихшая, потом положила голову ему на грудь, обняла, вздохнула и подумала: «Ну ведь хоть что-то. Хоть что-то.»

Нина Юдина (псевдоним)

Родилась и всю живёт в Латвии. По образованию экономист. Замужем. Двое сыновей. Внучка и внук есть.

<https://www.proza.ru/avtor/judina>

Марина Пшеничко (Триго)

Самая древняя профессия

Мысль о том, что я должна стать моряком, и не просто моряком, а моряком военным, пришла ко мне в моем счастливом детстве. Метаний было немного, выбор был таков: артистка цирка, стюардесса, моряк. Моряк победил. Потому что это был не просто моряк, а военный моряк. Даже больше – АДМИРАЛ! Мамочка моя родная, родив меня, даже не догадывалась, что за чудо она произвела на свет Божий. Я росла сорванцом, ходила в штанах, тельнике, играла в футбол и в чикку, дралась с пацанами. Вернуть мою шкодную суЧность в женское обличье было сложно. Нет, я не мечтала стать мальчиком, я мечтала стать моряком. И нагло шла к этой цели, наплевав на чье-либо мнение. На мое счастье путь мой в школу и обратно проходил мимо военного комиссариата и с 14 лет я стала заруливать туда регулярно и напоминать, что они меня обязательно должны взять в армию. Нет, на флот. В военкомате работал отец одноклассника, он и вел со мной беседы о службе и всячески поддерживал мою мечту. Тайну мою, правда, не сохранил и когда я уже заканчивала 10 класс, на одном из родительских собраний он объявил во всеуслышание, что в нашем классе не

только мальчики собираются в армию, но еще есть и одна совершенно замечательная девочка, которая уже несколько лет готовит себя к службе. Каково было удивление моей мамы, услышавшей имя этой замечательной девочки. Мать моя пришла с того собрания с совсем недобрыми намерениями выбить из меня дурь. Но все было тщетно. После школы я пошла работать, чтобы получить специальности по связи и явиться на службу уже подготовленным специалистом. Два года я работала и осваивала военные специальности (телеграфист, телефонист, радиотелеграфист) и писала письма на все флота Советского Союза. И наступил день (мечты сбываются, надо просто грамотно мечтать!), когда пришло письмо с Камчатской военной флотилии о том, что меня готовы принять в ряды защитников Родины. В один день я выписалась, сдала паспорт, получила военный билет, уволилась с работы. Прискакав домой, объявила маме, что я вынуждена покинуть дом родной и уйти в Красную Армию, вернее на Флот. Мама заплакала, я сказала, чтобы она не плакала, потому что в нашей семье нет парней, а кому-то надо защищать Родину. И этот защитник – Я! Выдержать ее слез я не могла, я ушла в комнату, закрыла дверь и включила музыку. Правда перед этим объявила маме, что нужно мне устроить проводы. Хотелось, чтобы было все по-взрослому!

На следующий день я уже тряслась в поезде... Путь предстоял долгий, целых 9 суток, через всю страну. Это было увлекательно, за окном менялись пейзажи, в вагоне меня-

лись пассажиры. А я не менялась...я ехала на своей боковушке служить на Тихий океан! Все когда-то кончается, закончилось и мое путешествие по железной дороге. И вот он – Владивосток! Я помчалась в кассу Морского вокзала, чтобы взять билет на пароход до Петропавловск- Камчатского, но не тут-то было. В военкомате (видимо от радости, что избавились от меня) неправильно выписали проездной документ, вместо пассажирского выдали багажный, соответственно билет мне не дали, а денег было мало, на покупку билета не хватило. Ситуация усложнилась, до Камчатки рукой подать, а попасть не могу... Я подумала и пошла в авиакасса, денег на авиабилет мне хватило, но рейс был через два дня. И денег больше не было. Я вернулась на вокзал, решила двое суток сидеть там. Вечером я пошла посмотреть на корабли, морвокзал находился рядом с железнодорожным вокзалом. Кораблей было великое множество и это вызывало восторг. Я так близко была уже к своей мечте. Рядом со мной стояли еще какие-то девушки, мне они показались очень красивыми, все в коротких юбках, в сапогах-чулках (О! Мечта всех девушек СССР), ярко накрашенные, они курили, вели себя совершенно раскованно. Я подумала, что они, эти красивые девушки, тоже пришли полюбоваться на корабли. А для чего же еще? Я, наивная северная девушка, доброжелательно улыбалась им, но почему-то мне никто не улыбался, наоборот, девушки бросали злобные взгляды. Надо сказать, что на службу я поехала в осеннем клетчатом пальтишке ОТ СТАР-

ШЕЙ СЕСТРЫ, джинсах советского производства, какой-то там ивановской швейной фабрики, и кедах. Совершенный мой образ завершал чемоданишко ОТ РОДИТЕЛЕЙ. О косметике же я тогда и не мечтала, красота была очень естественной. Я решила оставить злобных красоток, не принявших меня в свою стаю, и вернуться на вокзал.

Наступила ночь. Я сидела в зале ожидания и разглядывала пассажиров. Спать хотелось жутко и я мечтала улечься в уголок и уснуть. Но тут началась проверка документов. Владивосток, впрочем как и Петропавловск- Камчатский, в те далекие времена были городами пограничными и попасть в них можно было только по приглашению или по вызову на работу, службу. Проверяли документы у всех пассажиров, ходили военные патрули и милиция. Время от времени из толпы пассажиров выдергивались красавицы и становились в сторонку, дошла очередь и до меня, молодой лейтенант попросил документы, долго изучал мой военный билет и предписание, положил мои документы себе в карман и велел встать к красавицам в группу. «Меня признали красавицей!» – подумала я. Проверка окончилась и я в толпе красивых девочек в коротких юбках побрела за милиционером в дежурную часть. Оставшиеся пассажиры с интересом рассматривали нашу процессию. В дежурной части лейтенант по очереди поднимал красоток, выяснял почему она на вокзале ночью, многих видимо он уже знал, называл их по именам, читал лекцию о нравственности, кого-то отпускал, ко-

го-то закрывал в клетку... Я сидела ни фига не понимающая и ждала своей участи. Меня лейтенант оставил напоследок. Видимо я была самой красивой, подумала опять я. И вдруг в один момент до меня стало доходить, кто такие эти девушки. С помощью лейтенанта. Потому как распекал он девиц на все лады. Вот так в мою жизнь ворвалось слово ПРОСТИТУЦИЯ. С девицами лейтенант разделался и взялся за меня, выяснив откуда я и куда, сказал, что впервые увидел девушку, приехавшую служить на край земли, посоветовал утром сходить в военную комендатуру, чтобы меня устроили в гостиницу на два дня, пообещал, что сменившись утром – покажет мне славный город Владивосток и отпустил меня в родной уже зал ожидания. Там я и сидела до утра и размышляла над сущностью бытия. Будущий адмирал шел в кучке дальневосточных проституток в дежурную часть милиции. Начало великой военно-морской карьеры было осквернено. Вот они издержки самой древней профессии. И выходит, что не только проститутка, но и моряк самая древняя профессия на земле??! Да, по всему выходило так...

...Утро позолотило верхушки деревьев и крыши домов, заглянуло в окна, в том числе и вокзальные. Сонный народ зашевелился. Напрасно ждала я лейтенанта, осквернившего мою честь и обещавшего показать чудный город Владивосток. Сменившись, он тут же забыл про юную морячку и вприпрыжку помчался к выходу с вокзала, только и видела я его. Взяв свой чемоданишко, я вышла на привокзальную

площадь. **ВЛАДИВОСТОК!** Здесь, в отличии от Урала и Сибири, еще не было снега, город дышал осенним воздухом, облетевшими листьями и морским бризом. Вдохнув в себя весь этот микс, спросив у первого встречного где находится военная комендатура, я отправилась туда. В комендатуре выслушали мою историю с багажными документами и приводом в дежурную часть в группе советских проституток поржали и заселили **БЕСПЛАТНО** на двое суток в комендантское общежитие. Счастью не было предела, у меня впервые в жизни появилась **СВОЯ** жилплощадь! Нагулявшись в славном городе Владивостоке, пришла к вечеру в теплую комнату и завалилась спать. Пробуждение в своей койке было прекрасным... Потянулась, вскочила с койки, открыла окно и начала заниматься гимнастикой: растяжка, шпагаты, стойки, мостики... И вдруг за моей спиной раздались аплодисменты. Повернулась. Мать моя! За окном стояли моряки и смотрели как я в труселях и лифчике загиналась во все стороны. **НО!** Мы, как говорится, подводники и силачи. Я раскланялась, подошла, задернула занавески, услышав за ними недовольный гул. На следующий день я уже летела на Камчатку.

Под крылом самолета перекачивались волны самого Тихого океана, дух захватывало. Не отрываясь, смотрела в иллюминатор. И вот она – Камчатка!!! Из облаков вынырнули снежные шапки вулканов, до мечты осталось несколько минут. Самолет приземлился мягко, неужели свершилось? Я на земле камчатской! Аэропорт Елизово. Комендатура. Уста-

лый пожилой старший мичман даже не догадывался, что перед ним будущий адмирал всего Российского флота.

Вздохнул, пробурчал под нос: «Детей на флоте не хватало». Я возмутилась, покраснев от гнева и сказала: «Мне между прочим – уже 19 лет!» Он усмехнулся и отправил меня в городскую комендатуру. В городской комендатуре меня уже ждали, видимо страшный мичман с аэропорта позвонил, собрались все: и те, которые были на вахте и те, которые отдыхали. И стали уговаривать остаться служить при комендатуре.

ROSE BARABROK

Стойкий новоиспеченный новобранец в моем лице выдержала натиск. Тем временем наступил вечер, автобусы в гарнизон Завойко уже не ходили, в конце концов меня отправили на гидрографическое судно ночевать. Привел меня туда какой-то моряк, сказал, что утром придут и проводят на остановку. Я расположилась в каюте, заdraив на всякий случай железный люк на все задвижки. Утром кто-то постучал, я с перепугу и со сна не могла разобраться как открыть люк, крутила и вертела все задвижки, люк не открывался... Почти плача, я пыхтела и злилась на себя за то, что я замуровалась намертво, крутила и крутила все задвижки, но все-таки я открыла этот злосчастный люк. Меня проводили на остановку, объяснили как добраться до Завойко. Ну, здравствуй КАМЧАТКА! Здравствуй, моя МЕЧТА!

Стреножилась...

Галка Левченко, старшина второй статьи, радистка 1 класса нашей бригады, была фигурой замечательной и приметной во всех смыслах. Она единственная из немногочисленных женщин, служивших на Узле связи, имела лычки. Наш доблестный командир Три Р (Розовский Роман Романович) или как его звали между собой матросы – Ежик резиновый с дырочкой в правом боку, женщин, видимо, не очень-то любил или не признавал их значимость в военном деле и потому объявил всем сразу: Никогда, пока он служит, ни одна женщина не получит никакого звания. Рассчитывать на его милосердие или справедливый страшный суд не приходилось. Ну, что ж, чистые погоны – чистая совесть. В конце концов не корысти ради.... Галка же прибыла к месту службы на Камчатскую флотилию с Херсона уже с лычками. Сорвать с нее погоны у Розовского не получалось. Было не за что. Служила она хорошо, дело свое в виде точек и тирешек знала, Устав изучила, но иногда на него забивала. А спорить с ней себе было дороже.

Для меня, молодого матроса, она должна была стать умом, честью и совестью. От нее я должна была набираться профессионализму, но не набиралась ничему. Ей было лень меня учить и не хватало педагогического таланта, поэтому специальность радиотелеграфиста я постигала сама или с помо-

пщью моряков-срочников, которые были рады оказывать мне помощь хоть круглосуточно. Жили мы с Галкой в одном бараке, так называемом женском общежитии при части, это была захудалая квартирка, в которой не было воды, стоял разбитый унитаз, никаких удобств не было вообще. По ночам по кухне и коридору носились крысы ростом с хорошего зайца. Зимой наш барак частенько, когда случалась пурга, заметало по самую трубу и мы сидели в своем бараке до окончания пурги, потом приходили моряки и откапывали нас.

Единственно, что у Галки получилось в отношении меня – это за полгода нарастить на мне лишние килограммы. Галка была хохлушкой, в еде толк знала и готовила хорошо, сама была девушкой аппетитной, видимо и меня решила подогнать под свои стандарты. Она наваривала большую кастрюлю борща, которую мы выносили в коридор на холод, холодильника у нас не было. За ночь борщ замерзал, мы его потом отковыривали ножом, накладывая в миски ледяными кусками... Не одним борщом она меня кормила, она пекла чудные торты, от которых отказаться было невозможно.

Уж не знаю, что бы я делала еще через полгода, наверно пришлось бы расшивать форменное мое платюшко, но на мое счастье, вернувшись из отпуска, я обнаружила присутствие в Галкиной жизни моряка-любownika. Она окружила его заботой и лаской, холила, лелеяла и откармливала своими кулинарными шедеврами. И даже мыла ему ноги. В сто-

ловании мне было отказано. Пришлось мне переходить на собственноручное приготовление себе еды. Тортов не стало. Килограммы исчезли.

Так мы и жили в совместной квартирке, служили Родине, меняя друг друга на радиостанции, ссорились, мирились, сплетничали, праздновали вместе праздники. Как-то на очередной наш женский день 8 Марта мы с Галкой поехали к ее украинской знакомой в гости. Посидели у нее хорошо, долго, с салом, горилкой, русскими народными и украинскими тоже народными песнями. Уезжали из гостей уже вечером. Я была совсем молода, ничего спиртного не употребляла, Галка же набралась конкретно. До остановки я ее практически доволокла на себе. В автобусе мест свободных не было, мы стояли впереди, между боковыми сиденьями, Галка все время что-то громко рассказывала и хохотала, люди оборачивались, ей было наплевать, а мне было неловко. Но приходилось терпеть.

Когда мы уже подъезжали к нашей остановке, я сказала Галке: «Выходим», и стала пробираться к выходу. Обернувшись увидела, что она стоит наклонившись и что-то делает внизу с сапогами. Повторюсь, Галка была крупновата и ее филейная часть, когда она наклонилась, оказалась перед носом сидящего пожилого дядьки-инвалида с палочкой. Отвернуться он никак не мог, краснел, бледнел, пыхтел, потел, а Галкина задница качалась перед его лицом. Тем временем автобус уже подкатывал к остановке, я говорю Галке: «Ты что

там копаешься, мы выходим»... А надо сказать, что у Галки на сапогах сломались собачки и она вместо них прицепила скрепки. Галка поднялась и на весь автобус с хохотом объявила: «Ща погоди, я стреножилась, бля!» И опять согнулась и стала расцеплять скрепки. Автобус качнуло и мужик носом уперся в ее пятую точку. Я похлопала Галку по заднице. Она разогнулась и обернувшись к мужику заорала: «Ты че, козел, меня по жопе хлопаешь, я тебе сейчас вторую ногу сломаю!» Мужик и так сидел ни жив ни мертв, но тут вообще впал в ступор.

Я схватила Галку и потащила за собой. Мы вывалились из автобуса и пока ждали следующий до гарнизона хохотали без остановки полчаса. Сапоги Галка так и не починила и время от времени стреноживалась в самых разных ситуациях.

О том, как я ушла в первое плавание...

Мне было 14 лет, я закончила 7 класс и страстно мечтала о морях- океанах. Ничто не могло меня своротить с этого пути, я должна была стать адмиралом и все тут. Мечтала я по-тихому, то есть не озвучивала это вслух, потому что: 1. Боялась спугнуть мечту 2. Мать моя могла всыпать по первое число, она-то уж точно никак не могла понять, почему море? Почему моряк? Она своих детей видела почему-то продавцами. Может быть сказалось тяжелое военное детство, послевоенные голодные годы, потом периоды дефицита, когда мы всей семьей стояли за колбасой и мясом в километровых очередях. И видимо торговый работник ассоциировался с достатком. Но! Меня мало волновали докторская и молочная, я хотела моря. И все.

В ту пору моя старшая сестра вышла замуж. И ... О, счастье! Ее муж был помощником капитана. Правда, не морским, а речным. Но это уже было так близко к моей мечте. Он каждое лето ходил в рейсы по реке Печора, навигация открывалась в середине мая и заканчивалась к ноябрю. У меня были летние каникулы, и тянулись они однообразно. Гулянки во дворе с подружками, футбол с пацанами, речка... И вот, в один прекраснейший день отец приехал на обед и сказал маме: «В Печоре стоит Валеркин пароход.»

Больше я уже ничего не слышала, я схватила пакет, крикнув маме, что пошла за хлебом. И пошла. Сначала пошла, потом помчалась, как говорится – волосы назад. Вылетела на берег Печоры, определилась со стоянкой Валеркиного судна, еще пять минут, и я была на борту. Обследовала сухогруз, и тут на дебаркадере покряхтело и покашляло радио и кто-то грозный сказал: «Минск! Погрузка закончилась, освободите место Украине. Счастливого плавания.»

Опа! Я затихла в рубке. Пыталась превратиться в моль. Валерка залетел в рубку, увидел меня, сказал мне выметаться быстренько. Но я, сделав невинные глаза, вдруг стала ка-нючить и врать: «Возьми меня с собой, пожалуйста, мама знает, она не против.» Мобильной связи не было, да и вообще никакой не было, проверить он бы все-равно не смог. Я ныла пять минут, а с дебаркадера ругались всякими словами на наш «Минск». И мы отчалили.

Не знаю, поверил мне Валерка или нет, но мы отошли от берега и направились вниз по течению, повезли строительные материалы строящемуся тогда Усинску, ныне центру нефтедобычи Республики Коми. Рейс длился ни много ни мало две недели. Я вернулась домой счастливая! Но без хлеба. Мне казалось, что я великий мореплаватель, а великим пиздюли не положены. И больше мне ничего не казалось. Я мчалась домой на крыльях, взлетела на 5 этаж. Мама дома не оказалось, был отец. Увидев его взгляд, я поняла, что сейчас прольется чья-то кровь и даже догадалась чья.

Быстренько выскочив из дома, я залетела к соседке, где и была мама. Мама увидела меня и заплакала, она обнимала меня и обнимала и почему-то не ругала. Мне было ужасно стыдно, что я ее так огорчила. Мама меня поняла, вечером все смеялись, вспоминая мой побег. В следующий рейс мама мне уже сама предложила покорить теперь уже верховья реки. На сбор вещей было отведено 10 минут. Валеркин сухогруз опять стоял в Печоре.

Какая сука по палубе босиком ходит?

Подходил к концу первый год службы. Позади уже было много всего. Тревоги, учения, занятия, вахты – все стало привычным. Уже и первый отпуск на родину прошел. Служба идет своим чередом, а душа требует приключений. Корабли, стоящие у причалов и уходящие в морские походы, тревожат мою романтическую натуру. Я уже достала всех своими просьбами взять меня в море. И это случилось!!! Мой начальник УС, каптри Розовский Роман Романович, грозный и неприступный, как морская крепость, отбыл в очередной отпуск и на мое счастье замещать его остался флагманский связист Короляк В.И., добрейшей души человек. Нытьем своим о желании сходить в море я достала и его.

И вот в одно прекраснейшее августовское утро выходного дня раздался звонок в дверь. Открыв дверь, увидела раскисшего. Он сказал, что меня вызывает к себе срочно Короляк. Быстро натянув форму, я ринулась на Узел связи. Хитро улыбаясь, Василь Иваныч спросил: «Ну, что, в море не перехотела сходить?». Сердце замерло. Потом бешено заколотилось. От счастья, что называется в зобу дыханье сперло, сказать ничего не могла, только мотала головой. Нет, нет, не передумала, конечно, возьмите меня в море, мне очень надо. Василь Иваныч рассмеялся и повел меня на дивизион МП-Кашек.

На борту МПК я уселась тихо в каюте в уголок, боялась, что меня выгонят... И совершенно правильно боялась. На мою беду на дивизион прибыл начштаба Мартиросян и обнаружил на корабле безобразие в виде меня. Досталось всем. Корабль ушел в море без меня. Горю моему не было предела, я весь день пролежала на своей коечке, глядя в потолок.

Наступил следующий день, утро было ранним и таким же солнечным, как вчерашнее, когда затрезвонил дверной звонок. Опять рассыльный: Вас Короляк вызывает. Видя мою расстроенную физиономию, Василь Иванович хохочет и вдруг говорит: «Уехал Мартиросян в отпуск, «Альбатросы» в море на стрельбы уходят, бегом, нас ждут». Я по-прежнему еще не верю в удачу, но ноги уже несут меня на дивизион МПКашек. Я мчусь вместе с Василием Ивановичем по пирсу, волосы назад, пилотка в руке, нам орут с корабля: Быстрее, быстрее... Я на ходу снимаю босоножки, тяжело бежать на каблуках и последние метры по пирсу и по кораблям бегу босиком. Влетаем на борт и почти сразу корабль отходит. Уфффф...

«Альбатрос» идет по Авачинской бухте, рассекая водную гладь, и я понимаю, что обратно он уже не повернет и – ура, ура, ура, сбылась моя мечта. Мне освободил свою каюту замполит, охренивший, что его лишила личного пространства непонятно откуда взявшаяся девица, принесли робу, не могла же я в платье ходить по кораблю, я нарядилась и стала самым что ни на есть настоящим моряком. Вот только незадача, обуви моего размера не нашлось, а в босоножках не по-

ходишь по трапам и палубе. А посмотреть, что творится за пределами каюты очень хотелось.

И я начала свой поход по кораблю...ага, все суетятся, каждый занят своим делом, моряки удивлены и ошарашены моим присутствием, провожают удивленными взглядами. Выхожу на палубу, шлеп, шлеп, шлеп... Корабль на полном ходу проходит линию мысов, за кораблем прыгают косатки, провожают в море, слева по борту остались скалы Три Брата. Там где-то за ними, на том берегу, наш ЗКП. Красота такая, захватывает дух...

Ветер соленый в лицо. Налюбовавшись красотами, я ухожу с палубы. А на палубу выходит командир корабля, меня он еще не видел, наша встреча состоялась позже. И позади себя я слышу крик: «Какая сука босиком по палубе ходит?». На палубе остались отпечатки моих ног. А сука в это время стояла за дверями и тряслась от мысли, что ее на хрен выкинут за борт...

Не выкинули. А заставили нести службу, как и все. На борту кроме меня из так сказать посторонних были еще флагманский связист и зам. командующего флотилией. А тем временем мы уже вышли в океан и пошли к квадрату, где должны были проходить стрельбы. Штормило на 3–4 балла, корабль качало, меня тошнило. А служить надо. Напросилась. Внизу, в радиорубке, было душно и шатко. Связисты уступили мне место, я попыталась связаться с нашим УС на берегу, но они упорно не отвечали, как потом выяснилось –

они ушам своим не верили. Женский голос с корабля – тако-го быть не может, и не отвечали. Напрасно взывала я к ним. Качка изматывала мою еще не совсем моряцкую душу и я ре-тировалась в каюту. В горизонтальном положении было по-легче. Но лежать мне не дали, рассыльный постучал в дверь и сказал, что командир зовет на мостик. Я поднялась наверх, там был весь командный состав, со мной познакомились, и велели искать какую-то торпеду. Мы были уже в заданном квадрате и корабли проводили стрельбы. А мы должны бы-ли искать торпеды. Все стояли и смотрели в море. Смотрела и я. И думала: «Ну, что мужики за козлы-то такие. Хоть бы показали как выглядит их торпеда, я то уж тогда бы точно ее нашла.»

Хочу сказать, что на мостике болтало еще сильнее, чем внизу. Но надо было стойко переносить тяготы и лишения. Я терпела качку и думала: «А если война... надо терпеть». По-том был обед, где командир сделал запись в бортовом жур-нале о том, что со времен Великой Отечественной Войны, в море на борту военного корабля впервые находится жен-щина. Все поаплодировали и принялись за еду. Отсутствием аппетита никто не страдал, несмотря на качку. Кроме меня. Я не могла смотреть на еду и делала вид, что не хочу есть. Еле дождалась окончания обеда и опять удрала в каюту.

В море мы находились двое суток, к концу первых мы за-шли в бухту Водопадную, к нам пришел катер и забрал зам-командующего и Василия Ивановича. Василь Иваныч, глядя

на мое позеленевшее лицо, уговаривал уйти с ними, но я не могла. Я ведь так долго просилась в море. Как я могла уйти так быстро? На третий день наш «Альбатрос» вернулся в базу. Я ступила на пирс, шла по берегу, почему-то под ногами все качалось, и коечка моя в общежитии, куда я упала без сил, тоже качалась. Вечером пришли наши ребята-связисты и позвали с собой в увольнение. И я, такая вся морячка, важная, сопли пузырями, им говорю: «Никуда я не пойду, мы только сегодня В БАЗУ вернулись...» Ну, о чем мне, настоящей морячке, было с ними, береговыми, говорить??? Вот то-то же.

Про трудности и лишения воинской службы

ЧАСТЬ 1. МО-ЛО-КО-КИ-ПИТ...

О том, что служба на флоте весела и непредсказуема, я вам уже рассказывала. Но Уставом воинской службы строго определены трудности и лишения и рекомендовано людям военным, красивым, здоровенным и не очень, их стойко преодолевать. К преодолению трудностей я была морально готова. И физически.

Прибыла я на Краснознаменный Тихоокеанский подкованной, у меня уже было две специальности по связи, но Родина решила, что свой долг я должна ей отдать в качестве радистки. Азбуку Морзе я не знала. Но как говорится на службе: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим». По-флотским понятиям я была дрищом, потому разговор со мной был коротким: Выучить азбуку за три дня, другим вариантом было – сокращаться на палубе (мыть пол). Я была чертовски юна и хороша собой, позволить себе мыть пол в присутствии множества потенциальных женихов я не могла. Три дня и три ночи я напевала во все горло и про себя...Ку-да-ты-пошла...Я-на-гор-ку-шла....Петя-петушок...Мо-локо-кипит... Вот такой был мой реперту-

ар. Мне даже ночью снилась морзянка. И я таки ее выучила.

Но, надо было еще наращивать скорость по приему и передаче. Радиокласс был жутко холодный, он не отапливался и на улице, казалось, было теплее, чем в нем. Я сидела, такая несчастная, но стойко переносящая трудности и лишения, в шинельке и рукавичках, в холодном классе, прижимаясь к теплому боку радиостанции и слушала-слушала-слушала писк в эфире и писала всякие там букво-циферки. Для утешения своего и придания значимости, я представляла, что я радистка Кэт и сейчас нахожусь в тылу врага. От меня зависит судьба Родины. Похоже, что я была не очень самоотверженная и не совсем осознала всю значимость, поэтому на каком-то часу приема-передачи суперсекретной информации, радистку сморил сон, я поклевала-поклевала носом и позорно уснула рядом с теплым приемником.

Сквозь сон я услышала какой-то грохот, ничего не понимающая, сонная, я вскочила на ноги и прямо перед собой увидела начальника штаба бригады Мартиросяна, за каким то хреном решившего обойти свои владения. Выпучив на него свои сонные глаза, видимо я думала этим его ввести в заблуждение, я все-таки четко отрапортовала кто я и что тут делаю. Самый лучший из армян, грозный Мартиросян, улыбнулся, похлопал меня по плечу, сказал: «Молодец, занимайся». И ушел. Я, вся такая офигевшая, рухнула на табурет. Морзянку я выучила, скорость нарастила, приняла присягу и начала с чувством, толком и расстановкой отдавать

долг Родине-матери. Трудности меня, однако, подстерегали на долгом пути службы еще не единожды, но это уже были совсем другие истории.

ЧАСТЬ 2. ПЕДАС...

Я отдавала Родине долг уже месяца три, позади была присяга, и первые учения и даже похороны Леонида Ильича... Вполне самостоятельный матрос первого года службы Пшеничко заступила на вахту на радиостанцию на 12 часов. Утром пробежаться по снежку до Узла связи было легко и приятно. Но погода на полуострове непредсказуема и капризна. Зимы на Камчатке теплые, но очень снежные, кто жил на полуострове, тот знает, что если началась пурга, то конца и края ей не видать, это может продолжаться от 3 дней и дольше. Заметало снегом все, что заметалось. Отвахтив свои полсуток, в 21 час, я сдала вахту и собралась домой. А погодка преподнесла сюрприз, с обеда разбушевалась пурга. Снегом замело почти все здания на территории части. Моряков в такую погоду не выпускали за пределы команды. Не видно было даже свою протянутую вперед руку.

Дежурил по узлу связи мичман Педас, прозванный моряками пидарасом, полностью соответствовавший своей фамилии, противный и злой. Ребята просили его оставить меня ночевать на Узле связи, в канцелярии, но Педас был неумолим, нагло глядя на меня, сказал: «Она не на танцульки при-

ехала!»), и еще что-то там про трудности и лишения... Устав за много лет службы читал. И помнил. Я же была гордой птицей, схватила свою шинельку и, глотая слезы, вылетела на улицу.

Как я преодолела сугроб, который намело прямо у двери, в два с половиной метра, я сама до сих пор не понимаю, я перевалилась через него и поползла (идти было невозможно) в сторону общежития. Жилище наше находилось на территории части, всего в трехстах метрах от узла связи и по хорошей погоде ходу то 5–8 минут, но при такой пурге я ползла домой 2 часа. Мело так, что было непонятно где небо, где земля, я карабкалась на сугробы, потом сваливалась с них и упорно пыталась двигаться вперед. Меня отметало обратно, с левого боку от себя я слышала уханье и глухое ворчание океана и понимала, что ползти надо вдоль этих звуков. Забравшись на очередной сугроб, я рухнула вниз и напоролась щекой на сухие бодылья, торчащие из-под снега. Наконец-то, размазывая сопли, слюни, слезы и кровь по своим юным девичьим щекам, я доползла до нашего стойбища. А его-то и не было! Одна труба торчала из-под снега. И все.

Поревев еще немного рядом с трубой, я определила место нахождения двери, и, помяная недобрым словом Педаса, теперь-то окончательно убедившись, что фамилия его совершенно правильно переименована моряками, стала копать руками снег. Откопав дверь до середины, я стала тарабанить в нее, погребенные под снегом Галка и Тонька толкали дверь

изнутри, наконец отжали ее, и я рухнула кулем вниз к их ногам. Галка, увидев моя физиономию, решила, что меня убили. Потом они меня отпоили чаем, мы еще долго ругали Педаса пидорасом... и наконец уснули. Три дня бушевала пурга, через три дня все стихло, пришли моряки, эдакие Чипы и Дейлы, откопали нас и извлекли на свет Божий. Галка рассказывала на Узле Связи всем как ей меня было жалко, когда я плакала, как обиженное дитя, все жалели меня и ненавидели Педаса.

Жизнь на флоте есть!

Она весела и непредсказуема!

Служба моя в Камчатской военной флотилии была веселой... Конечно, всякие там лишения, трудности, как велено было Уставом, преодолевались, закалялся характер, с каждым днем я становилась все мужественнее и мужественнее. Ну, а со временем, видимо, когда мужественней было стать уже некуда, я покинула флот. Но это будет потом, а пока...

Мне Военно-Морским Флотом было выдано обмундирование: красивое синее платюшко с настоящими золотыми пуговками с якорями, которое мной совершенно не по Уставу было укорочено и ушито и на погибель молодых моряков еще и сделан разрез сзади. В войну, меня, наверно бы расстреляли за такое кощунственное отношение в форме, но мне повезло – я родилась гораздо позже. Выдали мне и беретку, но мне оччччень-приочччень хотелось пилотку, такую мичманскую, такую с белыми кантиками и золотой кокардой, и я таки добыла ее и в первый свой отпуск в ней и поехала. Кстати, храню ее до сих пор, как и первый свой тельник. Выдали обувь, черную шинельку, которая мной была перекроена на современный лад и каракулевую шапочку с кокардой в центре. Выглядела я, как мне тогда казалось, просто отпадно. Ходила по гарнизону я исключительно в шинельке, за что неоднократно испытывала на себе злобные

взгляды трех с половиной теток, которые пришли на бригаду служить еще до меня и, нарушая Устав воинской службы, ходили в гражданской, цивильной верхней одежде, под которой скрывали форменное обмундирование.

Но с моим приходом на бригаду и поданным мною примером, начальство приказало этим трем с половиной теткам тоже переодеться в шинели. Любить меня женская часть бригады отказалась. Но зато!!!! Вся оставшаяся Бригада Кораблей Охраны Водного Района, то есть ее мужская часть, а она была подавляющей, свернула шеи в мою сторону, мне было 19 лет, я была такой юной, дерзкой, чертовски хорошенькой и веселой, что моряки стали состязаться в праве обладания хотя бы моего взгляда. Боеготовность была подорвана окончательно. По очереди моряки бегали к моей подружке, которая служила со мной, но была старше меня и замужем, и выпытывали у нее, кто из них мне более симпатичен и передавали через нее стихи, посвященные мне... Ко мне напрямую подходить боялись. Вечерами мы с ней это обсуждали и хохотали. С завыванием читывали произведения влюбленных Пушкиных и Есениных, как то: «...Пришла на Узел Связи к нам девчонка, красивыми, мечты моей глазами...» или «..В причудливых изгибах талия, или не талия...но что же..? Вокруг народ безмолвно замер. Что за предмет, на что похож?»... Не всем был дан поэтический дар и тогда влюбленные, но бесталанные, обращались за помощью к талантливому художнику, музыканту и поэту Узла Связи Лешке, в

народе поэту Бочкину.

Как-то в Петропавловск-Камчатский приехал балет Большого театра, я сообщила всем нашим узлосвязовским, что иду на спектакль "Лебединое озеро". В увольнение попросились все, кто был не на вахте и стали канючить у начальника УС Розовского о предоставлении увольнения с выходом в город. Все как один оказались ценителями классического балета!

Шествие наше в увольнение было замечательным, я и еще 20 моряков позади меня строем, в театр и обратно. Из театра возвращались впечатленные, я под впечатлением от балета, а моряки – под впечатлением от прекрасной жизни. Вернувшись в расположение части, матросики побрели в казарму, а я пошла в общежитие. Воскресный вечер прошел тихо и мирно с моими соседками Галкой и Тонькой, а утром в дверь загрохотал рассыльный. Тревога!!! Ошарашенная я вскочила и начала метаться, никак не могла понять с чего начинать и за что хвататься, а морская львица украинка Галка, похрапывая (за спиной уже 8 лет службы), спала на своей койке. Я одевалась и кричала: «Галка! Галка!! Вставай! Тревога же!!!» Она поднялась, посмотрела на меня, сказала: «Какая на х... тревога? Спи давай!» И рухнула на кровать. Война войной... Я тихо присела на свою койку. Но, подумав всего 2 минуты, рванула на службу. Это ведь она львица, а я-то всего лишь карась

Стихи

Мой причал

Спит полуостров на краю Земли,
Плывущий в самом тихом океане.
Седые спят вулканы, дремлют у причалов корабли
Стальные глыбы в утреннем тумане.

Сорвалась чайка с мачты, в бирюзовую умчалась даль
Расправив крылья над волной,
Бесстрашно, одержимо, как **Ikarus**
И делает луч солнца тонкой сталь,
На миг над кораблем взметнулся алый парус.

Мой парус – светлая моя мечта,
И чаек резкий крик, и уплывающий за дымку берег,
Я твой навек моряк, моя достигнутая высота,
Спешу к тебе всегда, в тебя одну как в сказку с детства
верю.

Там мой причал. Серебряные корабли
Уходят в море, чтобы снова к берегу вернуться
И разорвать как нить грань океана и земли,
И вновь в грохочущие волны окунуться.

...А за бортом опять волна волну догнала
Вот так и жизнь моя:
То штиль, то легкий бриз, то небывалый шторм.
И на ресницах чуть дрожит, и по щеке дорожкой
пробежала
Слеза соленая, как брызги океанских волн...
Июль, 2004 г.

Морской странник

Я спою, моряк, тебе песню
Про морские дали и суши
Я дарю тебе эту песню,
Я в нее вложу свою душу.

В ней есть все: плеск волн, крики чаек,
Мачты скрип, звон рынды, ты слышишь?
Ты давно этого не замечаешь,
Хоть живешь этим, этим и дышишь.

Ты в своих морях заблудился,
О земле далекой мечтаешь,
Ты вернешься, я жду тебя, слышишь?!
Я морячка, и ты это знаешь.

Ах, моряк мой, бродяга-мальчишка!
Убаюканный волнами спишь ты.
Возвращайся, мой милый странник,
Возвращайся скорее, слышишь?
2008 г.

В бурном яростном море...

В бурном яростном море корабль погибал,
Его страшно бросало с волны на волну.
Экипаж был растерян, капитан понимал,
Что корабль обречен и пойдет он ко дну.
Среди грохота волн, стога бешеных чаек,
Сотни глаз ожидали решения сделки.
Кэп – не просто моряк, он спасет, он все знает,
Не впервые мы с кэпом в такой переделке.
И казалось, что нет никакого спасенья
У команды нет сил, лишь остался кураж
Кэп в последний момент принимает решение,
И за борт полетел драгоценный багаж.
...Тишина и покой. Над потрепанным бригом
Чайки весело кружат с оглушительным криком.
На корабль из воды любопытные смотрят медузы.
Да, был прав капитан, экипаж был спасен,
Пусть ценою такого бесценного груза.
Жизнь – корабль, но на нем все гораздо сложнее,
И, спасаясь нередко в житейском бушующем море,
Мы за борт добродетель, как груды ненужных камней
Выгружаем, надеясь – она не нужна будет вскоре.
Но наступит пора, мы, конечно, не ждали беды
Ценный груз, он нам нужен, но где-то в пути он остался,
И бросаемся к борту и тащим багаж из воды,
Но... увы, уже поздно, подмоченным груз оказался.

Апрель, 2004 г.

О Камчатке которой были отданы мои юные годы...

Пусть он не так красив,
И в общем-то суров!
Пусть серый он, но это же не Сочи!
Но он прекрасен, что ни говори
Вулканами сверкает днем, огнями – ночью.
И взгляд не отвести от тех вершин,
А слово-то всего одно – Камчатка!
Но разве можно жить здесь без души!
И не отдать всю душу без остатка!

Камчатка... Край вулканов, затерянный полуостров на краю земли... Здесь я стала моряком! Этот полуостров, когда-то казавшийся мне недосягаемым, в один осенний дождливый день, когда я, совсем юная девчонка, прилетела на него, вдруг стал родным, близким... И неважно, какое время было на дворе: лето, порой холодное и хмурое, осень, то цветная, то дождливая, зима, снежная, вьюжная, но теплая и ослепительно белая, или грязная весна, когда лужи, лужи, и не ходит транспорт и надо бежать на службу по колено в грязи... Камчатка завладела моим сердцем с первого взгля-

да. Потому, что у нее есть ОКЕАН. Он всегда рядом, он живой, и я точно знаю, что я вернусь к нему...

Марина Пшеничко (Триго)

Неисправимый романтик. С 15 лет мечтала стать адмиралом и упорно шла к цели стать моряком, обязательно военным. Спорт, музыка, стихи, рассказы, рисование – интересно все, все получается. В 19 лет ушла на службу в ВМФ, проходила службу на Камчатской военной флотилии Краснознаменного Тихоокеанского Флота. Камчатка и океан – любимые места на этой Земле. 6 лет жила в Испании на Канарских островах. Теперь и Атлантика – её большая любовь. <https://www.proza.ru/avtor/marina110263>

Елена Стригунова

Собачья вахта

– Маш, иди надень портки, последний раз говорю... Посмотри назад!

Я будто не слышу. Меня обидели за вахту три раза, из них незаслуженно – три раза. Я сижу на руле, а рулю я на восток, домой. Туда и смотрю, не отрываясь.

Восходит солнце, и очередной раз я говорю ему – лишь бы ты восходило... Какая библейская благодать на небе, какая тишина сиренево-золотистая... как спокойно. Не буду думать ни о чём плохом.

– Ты не Фёдор Конюхов, случайно? – не отстаёт мой муж. – Что молчишь-то? Может, ты в одиночном плавании, а я не понял?

– Знаешь что, Вов, я с тобой не разговариваю... вот так. Я тебя не трогаю, и ты меня больше не трогай. Грубиян... капитан фигов... – последние слова я говорю уже совсем тихо. Вернее, я их думаю.

– Сейчас тебе будет, Машка... Сейчас так врежет, что тапочки слетят... А ну, иди оденься! – он вытесняет меня от штурвала, и я засчитываю четвёртую обиду.

– Ещё раз крикнешь на меня, – начинаю я пугать... но

замолкаю на полуслове. Я увидела, что там творится, на юго-западе... Батюшки-светы...

* * *

Собачью вахту мало кто любит – а я так просто жду её! Собачья вахта – до четырёх утра. Самое для меня чудесное время в море – конечно, при условии белых ночей и нежной погоды. Ощущение покоя – густое, ароматное, вкусное состояние единения с природой. Метаморфозы света и цвета, таинство рассвета. Короче говоря, есть чему удивиться и поучиться... есть что порифмовать.

Я сегодня уже много кем побывала – и бестолковкой, и ослом упрямым два раза. И разбудила-то я его не вовремя, и чашку с кофе на карту поставила, в прямом смысле... И это не важно – неет! – что не разбудила я его специально, чтоб поспал он подольше хотя бы на десять минут, и что кофе этот – ему... Как сюрприз! Откуда, мол, Маша, умница-разумница, у нас кофе?! Весь же выпили еще два дня назад? Для меня спрятала?! Ай да девочка! Ага, размечталась... И с картой этой ничего не случилось – ни качки, ни поворотов... ведь ни капельки не пролилось! Обидно. Ничего, всплывёт, как говорится.

Нас мало в этот раз, четверо всего, поэтому вахта на двоих. Это не впервой, дело привычное. Женька, боцман, мучается с юнгообразным Ванькой, а мой муж – со мной. Подели-

ли женщин и детей по-справедливому. Я и сама согласилась так поделиться, мне Ваньку жалко, пусть лучше я потерплю, всё- таки мой муж... пусть на меня и кричит. У Ваньки пока организм неокрепший.

* * *

Хотя вспомнила сейчас эпизод один... злорадно. Мы швартовались на форту пару лет назад после ночного перехода, Ванька тогда совсем мелкий был. Его заслали носовой закрепить – конечно, он прыгнул на берег, как взрослый, ногой уперся в камень, одной рукой подтягивает, глазами зрителей посторонних ищет...

– Давай, шкет, проводи лодочку, не отвлекайся, – для начала тихонько и педагогично сказал мой муж. – Тебя ж, дармоеда, вроде всю ночь макаронами кормили-накормить не могли, всё зря? не в коня корм? Метра три еще выбирай.

Ванька сначала одной рукой, потом двумя... Жилы на лбу вздулись. – Константиныч... может я выбрал уже? Я шас якорь выдерну, боюсь... – Малахольные. Фонд малахольных, а не лодка. А ну давай! Не позорься, в отца и сына и святую деву в райских куцах... И меня не позорь, а то плотва смеётся...

Ванька сделал оскал волчонка и всем телом рванул... и с гулким шумом и шелестом огромная ветка тополя, держащая изо всех сил нашу мачту (дураки! хоть бы глаза

вверх подняли!), но всё-таки сломанная ею и Ванькиной злостью, накрыла моего мужа, стукнув его по башке... Приятно вспомнить.

* * *

Я думала, это он хочет мириться и нашел предлог заботу проявить – оденься да оденься...

Я вполне одета: на «собаку» только новички не одеваются правильно, но это по незнанию. Всё как обычно: джинсы, кеды, свитер. Сверху даже оранжевая куртка, непромоканец, которую наш народ неприлично называет... не скажу как. Куртка резиновая, от костюма рыбацкого, в смысле советского яхтсмена-любителя. Костюмы эти все одного размера – думаю, пятьдесят шестого, – но других нет. Напялить это на себя трудно, пуговицы больше, чем петли, и резина за всё цепляется... В нем как в термосе. Поэтому куртку я еще жалею, а уж штаны эти костюмные на лямках – увольте. Только в ливень, если на руле стоймя стоять.

* * *

...Батюшки-светы... На юго-западе кто-то задекорировал картину мира для инсценировки конца света, не иначе... Я глазам не верю... в животе переворот тревожный: Вов, что

это?..

Мрачная, черная без оттенков, горизонтальная полоса над морем с уходящими вниз рваными лохмотьями, сначала узкая, но уже через пару секунд прямо на глазах расширяющаяся, пугает меня, смелую от природы... Море в миле от нас на запад вдруг превращается в закипающий свинец... Хичкок.

Взгляд на восток – и снова нежность и покой в мелких кучевых облачках... Зачем нам показывают такой контраст?..

– Быстро одевайся... штаны, сапоги резиновые... Женьку буди. Ваньку не трогай. Быстро, Машка, БЫСТРО!!!

Скатываюсь вниз – сапоги, штаны, Женька... Начинаю расстегивать резиновую куртку – сначала ведь нужно штаны, а куртку сверху – но не тут- то было... Очень всё медленно расстегивается... да что же это...

– МАШКА!

Кто это рыкнул?.. Посейдон, не меньше... Так, плевать, штаны надену поверх куртки и шкертом подвяжу... Без сапог обойдусь... Где Женька спит? Разбрелись по пустой лодке, не найти...

– МАШКА! Быстро наверх! На руль!!!

Вылетаю пробкой, хоть и цепляюсь резиной за все углы.

Резкий мощный шквал, мой прыжок к штурвалу и прыжок к стакселю моего мужа со шкотом в руке – совпали!

– Приводись!.. Резче давай!.. – рычит он басом, но ветер глушит страшный его голос...

Да я и так привожусь, не получается, господи... Что ж это с ветром... Привелась... Спасибо, Посейдон.

Мой муж сдирает парус и, пригнутый ветром, держась за леера, на полусогнутых направляется обратно, показав мне поднятой рукой – жив, мол... а уже второй шквал из совершенно другой, противоположной дыры в небе, неожиданный до такой же степени, как и сильный, резко перебрасывает грот!

...и всё содрогается, и я перестаю контролировать ситуацию...

Лодка не управляется, крутится, как хочет – ничего не сделать! – начинаю паниковать... Четко понимаю только одно – мой муж без спасательного жилета и страховки, и я не могу ему помочь ничем, я привязана к этому штурвалу, колесу этому... А если я брошу штурвал, и снова вдруг с такой же силой шквальнет, то поломать нас может... в смысле грота-гик, а не нас, но это одно и то же... Или плюнуть на этот грота-гик?! Мой муж считывает мои мысли и кричит, грозя мне кулаком – и думать не моги, Машка! Там стоять!!!

Стучу пяткой о палубу изо всех сил – Жееенькаааа!..

...О господи, помоги...

Ой, Вов, смотри...

Невероятно. Среди черных лохмотьев с неба четко выри-

совываются смерчи – никогда ничего подобного в Балтике не видели... Три штуки. Один большой и два маленьких. Далеко. Милях в трех. Спасибо, Посейдон, что далеко... Жееенькаааа!!! Смерчи...

По щелчку выключилось солнце. Всё. В полной тишине и внезапном безветрии, в темноте, в осознании могущества и величия зарождается небесный гул. Мы замерли – чего ждать? только нога моя по инерции бьет по палубе SOS...

... и вот наконец прорывается этот черный небесный мешок, и градины с черешню размером мощно и громко высыпаются лавиной, засыпают все вокруг – и море, и лодку нашу, и нас...

Мы стоим рядом, прикрывая головы руками, напяливая друг другу оранжевые резиновые капюшоны... За пять минут море прибито как асфальт. Мы не верим, что нам повезло увидеть такое – море действительно каменеет! Лежит недвижно, ни малейшего намека на живую воду...

Кокпит завален льдом. В мои резиновые штаны, так и не стянутые ничем, тоже немало залетело, холодно... На лбу у Вовы кровь.

* * *

...всё кончилось, рассосалось... как и не было. На востоке солнце и кучевые облака. Библейская картинка. Смешанное чувство, странное: вроде видели настоящие смерчи, черные

соски тучи смертельной, в радужной юбке поднимающейся пыли морской... и где они?

– Ай молодца, Максимка! – мой муж улыбается. – Кароший матрос Максимка...

Похвалил. Я счастлива.

Кончается наша вахта, и мятая физиономия боцмана высовывается в люк. – Благодсть-то какая, – зевает Женька. – Ой, дождик был? А чё вы так орали- то? Чуть Ваньку не разбудили. Потише надо всё-таки, господа, вы тут не одни. Дома надо отношения свои выяснять... Ставить чайничек?

– Дааа, боцманюга... Тебе хоть артобстрел. Хотя, может, ты и прав, извини, разорались... Это я Маше объяснял, что нельзя неодетой на вахту выходить... И кофе ставить на штурманский стол с картами нельзя, пролиться может. Всех, кстати, касается! И ни одного спасжилета под рукой, в отца и сына и святую деву в райских куцах... в прежние б времена в каторгу тебя за это! И вахта наша кончилась – где Ванька?! Давай буди его, дармоеда!.. И не чайничек ставить, а завтрак нормальный делать!..

И так далее. Чистый Посейдон.

Ученик

– Знакомьтесь, – сказал Толик, добровольный спонсор наших плаваний в дальние страны, превратившийся за пять лет в друга. – Это Сергей, моя правая рука, зам, так сказать... Второй год просит взять его в моря. Возьмём?

– А что ж не взять? Возьмём... – мой муж не против. Сергей выглядит убедительно – взрослый, крепкий. Не так уж много на лодке мужиков с мускулами. И глаза у него умные. – Давай вкратце, что умеешь. Опыт-то хоть какой-нибудь был? Морской, речной...

– Ничего не умею, и опыта никакого, – улыбается Сергей, – но я хорошо обучаемый, есть это во мне... И всю жизнь мечтал... в море побродить. За пятнадцать минут толково рассказывает о себе, вернее, отвечает на наши вопросы – бывший военный, руководит в Толиковой строительной компании тремя десятками очень разных людей, воспитывает двоих пацанов – одного родного, другого приёмного. В прошлом – альпинист, и детей даже в горы брал. Про жену не поняла – по-моему, что-то там не совсем безоблачно... Не курит. Рюмку держит, когда надо, но не очень любит. Хорошо готовит – и главное, с удовольствием это делает...

– То есть подходит он нам, правда, Вов? Правда, ребята? – перебиваю я. Как-то сразу понравился мне этот Сергей... и вообще, новая кровь вливается в организм всегда на пользу

организму. За редким исключением.

В этот раз идем коротко – только в Стокгольм и обратно, даже в Хельсинки не пойдем: хоть финская виза у нас всегда открыта, но там уже всё излазано и изучено...

– Да и правильно, что там делать? – говорит Ванька, юнга наш, будто его спрашивали. – Надоело уже...

Надоело ему. Наглый мальчишка.

Стокгольм у нас впервые, и нас это очень радует и вдохновляет – мы любознательные все как один. Планируем на два-три дня там задержаться, познакомиться с местным культурным колоритом. У нас есть две недели на всё про всё, но это даже много для такого точечного похода. “Ничего не много, – говорит мой муж, – прогноз плохой... Дутье сильное обещают, причем в морду, чистый вест”.

– Не бойсь, кэп, у нас теперь всё есть для полного счастья, – говорит боцман Женька. – Ничего нам теперь не страшно, йо-хо-хо...

Женька намекает на новую парусину – это и правда чудесная парусина! Штормовой комплект – грот и стаксель! – сшиты лучшим парусным мастером в мире, нашим любимым другом и классным гонщиком Степанычем в нашей клубной мастерской. Сшиты из шестисотого дакрона, то есть квадратный метр такой ткани весит ни много ни мало шестьсот граммов! Фанера. Но это не всё. Раксы – ползунки такие для крепления паруса, – сделаны из бронзы! У нас никогда не было ничего подобного, поэтому все очень счастливы,

особенно боцман – что естественно.

Выходим в ночь, как любим. Первый час не делимся на вахты, никто не хочет уходить спать, тем более новый человек на борту... Новый человек из Сергея превращается в Серёгу минут через десять, нам всем так намного удобнее и привычнее. Он интересуется всеми тросами и веревками, что откуда тянется и где заканчивается, что на что влияет, как крепится и почему так называется...

Руль он чувствует сразу, чем очень радуется капитана...

– Будешь с нами в вахте, – говорит Вова, – Машка тебя научит рулить, она в этом деле очень даже... Эти-то охلامоны ничему не научат, им только пожрать побольше да поспать подольше... ладно, ладно, шучу... С нами будешь, Серёга, – и тебе польза, и мне спокойней...

Раздувает на глазах. Западный ветер усиливается до двадцати пяти узлов и тащит за собой дождь, сначала небольшой, а через час уже совсем серьёзный. – Всё, Жень, ставьте с Ванькой парусину штормовую, берите Толяна и спать валите, нечего всем тут толкаться и мокнуть. Делимся. Устраиваем крещение Серёге. Да, Серёга?

Счастливый Серёга, облаченный в непромоканец, по-детски улыбаясь, кивает несколько раз в знак согласия...

– Слушайте внимательно, – мой муж делает паузы, хочет по-настоящему разбудить нашу бдительность. Меня он включил в список адресатов, чтобы Сергею было покомфортней... ну, что не его одного обучают. – Раздувает так,

что мама не горюй, и это, пардон, мордотык. В смысле дует нам в лицо. Придется поработать, покрутиться... Галсами пойдём, Серёга, ёлочкой...

Туда-сюда, туда-сюда... – Вова изображает елочку. – Маша на руле. Слушать каждое её слово. Говорит «к повороту» – знай, что у тебя пять секунд. Снимаешь аккуратно шкотик с утки, пару шлагов с лебедки. Потом, Серега, команда «поворот», и как только я крикну «давай», ты отдаешь шкот – немедленно, не раздумывая, сразу! а потом внимательно смотришь, что буду делать я. А я, Серега, буду выбирать другой шкотик, ага...

Когда поймешь, как я это делаю, и захочешь сам попробовать, дай знать – поменяемся, и в следующий раз я буду отдавать, а ты выбирать. На гроте и бакштагах – сначала я один. Сначала, Маша! я сказал – «сначала», не ори... Потом подключится и Серёга... Ну вот. А называется это всё поворотом оверштаг. Идем еще минуту, Маш, и начинаем крутиться. Серёга, задавай вопросы, у тебя есть минута.

Сергей спрашивает, что такое бакштаги, быстро понимает и уверенно объявляет, что он это может. Вова молча жмёт ему руку.

– Говорю сразу, Серёга, что сначала будет тренировка... будем вырабатывать у тебя мгновенную реакцию на команды. Сделаем поворотов десять подряд с интервалом в несколько минут, и ты поймёшь, что ничего в этом особенно страшного нет. А потом будем ехать в рабочем режиме –

спокойненько, одним галсом минут по тридцать. Порулить на остром курсе поучишься. С одной стороны – дрянь погода, конечно, а с другой... как ещё вырабатывать эту мгновенную реакцию? Ну да ладно, соколы... Маш, начинаем!

И началось... Целый час Серёга прыгает как обезьяна, скользя и падая – вырабатывает реакцию, как и приказали. Три раза, беспомощно по-детски матерясь, получает гиком по голове, на четвертом маневре уворачивается – ЙЕС! На пятом перестает называть моего мужа на “вы” и по имени-отчеству, оставив одно отчество, и объявляет, переорав шторм, что ему уже надоела глупая однообразная работа по отдаванию шкота и набиванию бакштага, и что он даёт об этом знать! Весь его мокрый и гордый вид выдает душу морского волка – приятно посмотреть.

Следующий час он, вцепившись в штурвал и выкрикивая междометия, учится видеть в слабой подсветке запомненные нужные циферки курса на умываемом дождем компасе. Бронзовые раксы начинают греметь и звенеть в пазу, если Серёга теряет нужный угол к ветру – ох, спасибо, Степаныч! прямо пособие для начинающих! – и Сергей методом тыка выравнивает лодочку, и звон прекращается... – Я понял, Маша! Я понял, Константиныч! – Сядь! Удобней будет! – кричит мой муж, и тот мгновенно садится, а я вижу быстрый взгляд мужа на меня и считываю: ты бы, мол, ни за что не села, просто из вредности!

– Хорошо что есть кого поучить, правда, Вов? – хотя могла бы и не ёрничать, всё равно ничего не слышно...

К утру раздуло аж до тридцати узлов, всё тот же проклятый вест... ох и ветрюга! Дождь поливает, море моет, всё гудит и звенит... Но Сергей приноровился, выглядит браво.

– Маша, смотри какая скорость, – он показывает рукой на ревущую воду за бортом, над которой мы, как ему представляется, летим морской птицей. – Сколько мы прошли, как думаешь?

– Серёжа, – кричу я в ответ, – я не хочу тебя расстраивать, но... – я тыкаю пальцем в прибор с цифрой шесть. – Шесть узлов скорость. Это одиннадцать километров в час, Серёжа. А учитывая наш зигзаг, недалеко мы уехали... Ночь и шторм создали иллюзию скорости. Мне всё равно, сколько мы прошли, я уважаю иллюзии, но у мужчин всё по-другому. Одиннадцать километров в час им мало. Я имею в виду новичков, конечно.

– Ну как вы? – высовывается наружу уже одетый и на всё готовый Женька. – Не скис ветер?

– Нее, боцманюга... Это надолго. Меняйте нас. Поешьте внизу, сюда не тащите ничего, моет. Десять минут у вас. Парусина и правда классная! – мой муж доволен. Это то, зачем он ходит в море. Ему нравится управляться со всем этим.

Сергея отправляем вниз к ребятам – пусть с ними чаю попьет и расскажет про семнадцать наших оверштагов, это не

жук чихнул. Заодно узнает от боцмана, что одиннадцать километров в час – вполне приличная скорость, если не зигзагом...

Через четверо суток даже боцман, выдавший виды, не выдерживает и объявляет общий сбор: "Может, возбудим чудовище? – имеется в виду двигатель, – жалко мне так парусину трепать, кэп! да и не только парусину..." – и это правда крик души.

Мы уже прошли четыре пятых пути. Шторм не затихает, порывы до тридцати пяти узлов. Дует ровно оттуда, куда нам надо придти... Все действительно устали и изголодались, сидим на холодном пайке. Толик не встает, укаченный, и Сергей заменяет его всё время, пока не спит. Повезло нам с парнем, говорит мой муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.